

Опыты литературного освоения ландшафта: по поводу одной литературной экспедиции по Поволжью в дореформенной России

Тэцуо Мотидзуки

1. Пятидесятые годы как сезон гастролей русской словесности

Историки русской литературы подчеркивают значение сороковых и шестидесятых годов для развития русской прозы, называя первые эпохой натуральной школы, а вторые — эпохой критического реализма. С такой точки зрения пятидесятые годы считаются не более чем промежуточным периодом, когда писатели набирали силы для активной деятельности в новой, пореформенной эре. Но, по-моему, писатели в это время активно знакомились с жизнью разных регионов Российской империи, включая периферию, иногда даже покидая страну. Тургенев, к примеру, уже со второй половины сороковых начал знакомить читателей с народной жизнью в провинциях Европейской России, хотя сам вскоре уехал за границу. Ф.М. Достоевский в самом конце 1849 был сослан в Сибирь и там мог подробно изучать жизнь ссыльно-каторжных, состоявших из представителей разных народов и сословий Российской империи. Лев Толстой в начале пятидесятых поехал на Кавказ и принял участие в боях с непокорившимися горцами и потом участвовал в военных действиях во время Крымской войны. Хотя мотивы поездок у писателей очень разные, каждая из них по-своему сопровождалась наблюдениями и подробным описанием народной жизни.

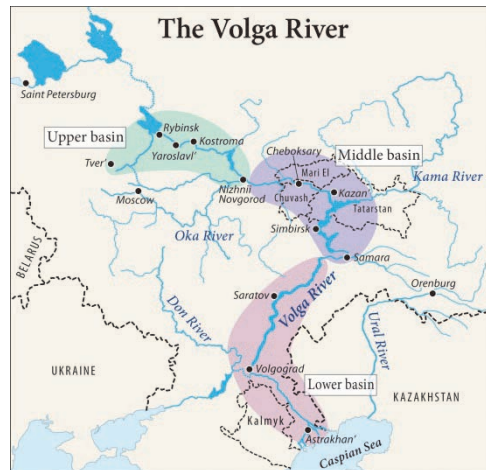
Русское географическое общество, основанное в 1845, открыло свои филиалы на Кавказе, в Иркутске, Вильно, Оренбурге, Киеве, Омске, и активно занималось не только географическими, но и этнографическими, религиоведческими и лингвистическими исследованиями. Все это связано с

ознакомлением с частями большой империи и пестротой ее жителей. Морское путешествие на фрегате «Паллада» в Японию Ивана Гончарова, и его путевые записки вызвали большой интерес читателей и породили бум подобных экспедиций.

Таким образом, пятидесятые годы — далеко не просто культурная пустота, а скорее время больших путешествий по империи, которые совершали в том числе и писатели. В результате жители дальних краев империи в свою очередь смогли познакомиться со столичными литераторами. Следовательно, есть основание назвать это время сезоном экспедиций и «гастролей» русской литературы.

Так называемая «Литературная экспедиция» во второй половине пятидесятых годов тоже была типичным продуктом той эпохи. Это был официальный проект коллективного исследования водных районов России, инициатором которого был Великий князь Константин Николаевич, который в то время возглавлял военно-морские силы России и заведовал печатным органом министерства морских дел «Морской сборник». После поражения в Крымской войне у Великого князя возникла, в числе разных проектов обновления правительственной системы страны, идея перестроить русский флот по примеру французского флота, набирая в рекруты жителей водных районов, привыкших с малых лет к жизни и занятиям на воде. Он созвал молодых писателей и послал их «в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши, для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в "Морской сборник"»¹.

В этом проекте приняли участие, вместе с другими писателями, Александр Островский, Алексей Потехин и Алексей Писемский, которые получили задание исследовать разные части Приволжья, от самого истока до Астрахани. В результате они, так же как в это же самое время Достоевский и Толстой, по-своему

¹ См. *Максимов С.В.* Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1890. No. 2. С. 19.

открыли для себя новую Россию и новый народ, который вел отличающуюся от столичной жизнь, хотя и проживал не очень далеко от столиц. Итоги своих наблюдений они публиковали в форме статей в «Морском сборнике» и других журналах.

Поскольку участники экспедиции не были ни этнологами, ни историками, ни фольклористами, а были писателями, их сочинения представляют собой своего рода литературное освоение местности. Они не только описывают ландшафт, географические и метеорологические черты каждой местности, но и пишут исторические очерки, рисуют быт и нравы местных жителей, освещают экономические аспекты их жизни и т.д. Они не могут не описывать общие впечатления от каждого места, процесс своего ознакомления с ними или своей адаптации к ним, и свое понимания их специфики вместе со своим отношением (или оценкой). Иначе говоря, описание местности неизбежно отражает их собственную личность как писателей-путешественников по незнакомым краям России. Пейзаж часто служит канвой, отражающей их авторскую манеру и мировоззрение. Таким образом, они сделали то, что позже будут делать художники-передвижники.

В этой статье я бы хотел попытаться проанализировать, как каждый писатель «осваивал ландшафты» незнакомых мест Российской империи.

2. Писатели и Волга

1) Островский и верхняя Волга

Верхняя часть Волги, исследованием которой занимался Островский, была когда-то ключевым местом русской истории. Этот район экономически поддерживал Новгород и позже Москву, и одновременно служил путем на Север и в Архангельск, т.е. был единственной дорогой к морскому пути в России до возникновения Петербурга. Эти места связаны с именами Минина и Пожарского во время антипольской освободительной войны. Потом этот район стал частью важной магистрали Москва-Петербург. Волга всегда служила водным путём для передвижения людей, вещей и информации.

Драматург Островский, незадолго до того возглавлявший «Молодую редакцию» «Москвичанина», в 1856 году начал сближаться с «Современником». Он, в отличие от других писателей, сам вызвался принять участие в проекте

Великого князя и получил распоряжение исследовать верхнюю Волгу. Возможно, что его участие в экспедиции было вызвано деятельностью Льва Толстого, недавно приславшего русским читателям свои очерки из горящего Севастополя.² Островский начал свою экспедицию с Твери в апреле 1856. Он активно знакомился с небольшими городами и поселками верхней Волги и 23 мая доехал до Волговерховья, т.е. истоков Волги. Потом он был вынужден прервать путешествие из-за аварии и перелома кости, и исследование района Нижнего Новгорода было перенесено на следующий год.³

Островский был добросовестным исследователем и честно следовал замыслу Великого князя, изучая состояние местной промышленности и народной жизни. Особое внимание он обращает на речной транспорт, рыболовство, торговлю и коммуникации. Его интересовало, как изменилась транспортная ситуация в этих краях в связи со строительством железной дороги и как это отразилось на жизни людей. При исследовании он пользовался, кроме интервью с жителями, местными статистическими данными. Он обращал внимание на специфику быта каждой отдельной местности, уделяя особое внимание одежде и поведению женщин. Одновременно он собирал местные слова и выражения, из которых потом составил «Опыт волжского словаря».

Его «Путевые заметки: Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», опубликованные в «Морском сборнике» (фев. 1859 г.), состоят из 4 частей: I. Тверь, II. Весенний караван, III. Село Городня, IV. Дорога к истокам Волги от Твери до Осташкова. Статья описывает разнообразные сцены верхней Волги в весенний период: состояние Волги в полном разливе на Святой неделе еще до открытия навигации; виды Волги в начале навигации с пароходами, барками, черными лодками, потесями, плавучими садками, перевозными лодками и с весенним караваном; старое село Городня с тремя церквями и пятью монастырями; вид дороги к истокам реки и своеобразный быт жителей города Торжка.

² См. В. Лакишин. Александр Николаевич Островский. Москва: Искусство, 1982. С. 318-19.

³ Ход путешествия Островского: 18 апр. Москва – Тверская станция – в почтовой карете – Тверь. Гостиница на Миллионной; 3-4 мая. Тверь – на почтовых – Городня – Кошелево – Тверь; 10 мая. Тверь – Медное – Торжок; 16 мая. Торжок – Рудниково – Кузнецниково – Качаново – Жилин – Крапивна – Осташково; 22-23 мая. К верховьям Волги. Осташково — (О. Селигер: 23 верст) – Звягин – Куковкино (о. Стержа) – Погост – Волговерховье – Осташково; 29-30 мая. Осташково – Ельцы – Ситково – Бочарово – Бахмутово – Ржев; 2 июня. Ржев – Завидово – Ржев; 9-11 июня. Ржев – Зубцов – Вазуз – Старица – Тверь; 12-18 июня. Тверь – Москва – Тверь; 30 июня. Тверь – Корчева – Кимра (Кимры) – Калязин (3 июля).

Островский мастерски описывает, например, напряженную атмосферу на реке до прихода весеннего каравана:

«В Тверь я приехал еще до открытия навигации. Это было на святой неделе, погода стояла прелестная. Толпы народа в праздничных нарядах гуляли по набережной; Волга была в полном разливе и, сливаясь с Тверцой, представляла огромное пространство мутной, пенистой воды, взволнованной низовым ветром; с набережной Отрочь монастырь казался стоящим на острове. Но пусто и безжизненно было все это пространство; ни одно судно не оживляло реки, и только черные плашкоуты, приготовленные для моста, виднелись на той стороне да мокрые щепки и грязная пена прибоя лежали полосами по берегам, свидетельствуя о прибыли или убыли воды.»⁴

Но центральная тема статей — неожиданный экономико-промышленный застой в Твери и других местах верхней Волги. Островский сразу переводит свое описание ландшафта на язык социолога-экономиста.

«Все местные условия, как кажется с первого взгляда, должны бы способствовать промышленному процветанию Твери: железная дорога соединяет ее с Петербургом и Москвою; верхние и нижние волжские караваны пристают под самым городом; Тверца, как начало Вышневолоцкой системы, представляет другой путь соединения с Петербургом - путь дешевый для тяжелых грузов. Но мне довелось убедиться, что, несмотря на благоприятную местность, Тверь в промышленном отношении никак не может считаться городом *процветающим*».⁵

Не в силах объяснить причину, он просто констатирует факты (бедность промышленного класса (мещан) и крайне низкие заработная плата и выручка), приводя конкретные примеры перевозчика, разгрузчика, судопромышленника и т.д. Если большое движение по Петербургско-Московскому тракту в прошлом не приносило процветания проезжаемому городу, то и теперешнее движение по Волге тоже не приносит ему выгоду:

«Они (суда — Т.М.) постоят да и уйдут в Петербург, не доставив никакой работы, а следовательно и выгоды, тверитянам. Перегрузки в Твери нет, а разгрузка, как я уже упомянул, незначительна.»⁶

Интересно заметить, что говоря в принципе голосом

⁴ Н.А. Островский. Путевые заметки: Путешествие по Волге от истоков до нижнего-Новгорода // Морской сборник. 1859 г. Фев. С. 177-178.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Там же. С. 182.

экономиста-статистика, он частично пробует общую характеристику голосом литератора-психолога. Местами он говорит на языке протагонистов своих пьес:

«Что за охота трудиться, когда каждая девочка за мелкую тарелку малины и земляники, набранной в полчаса, получала столько же, сколько большой человек за тяжелую работу целого дня. Но так как все, что легко приобретается, легко и проживается, то обыкновенно на местах проездных и так называемых бойких бывает много веселья и мало довольства, много пьянства и плохое хозяйство. Легкое приобретение, приучая к праздности, всегда мешает промыслам развиваться до той степени мастерства, где труд получает большее вознаграждение. Если бы проезд по петербургскому шоссе не прекратился, Тверь и до сих пор была бы веселым городом, но замечательно промышленным — едва ли! Теперь на главных улицах в Твери безлюдно и безжизненно, а по уголкам бедные люди, не приучившиеся к порядочной и прибыльной работе, занимаются утомительным, безвыгодным трудом: перевозкой, кузнечным мастерством, вязаньем шерстяных чулок. Едва ли я ошибусь, если скажу, что обстоятельства, поставившие Тверь на большом торном пути, немало способствовали настоящей бедности ее мещан.»⁷

Это скорее напоминает речь и логику купца-старовера в одной из пьес Островского. Подобное двоеголосие (экономиста-моралиста), по-моему, частично придает наблюдению путешественника привкус литературного эссе и пейзаж получает психологический фокус. Следующий диалог с ямщиком о жизни в селе Городня является еще одним примером пейзажа с человеческим голосом:

«— Да, было времечко, да прошло. Пожили в свое удовольствие. Теперь вся наша привилегия отошла. Больно нас чугушка (железная дорога) приобидела! - сказал со вздохом мой ямщик.

— Что ж, принимайтесь за землю, - отвечал я ему.

— От косы да от сохи не будешь богат, а будешь горбат.

— Да и прежде, чай, богаты не были, а только гуляли вдоволь?

— Это точно. Это уж что толковать! Гульба большая была.

Не потому им тяжело приниматься за соху, что самый труд тяжел, а потому, что избаловались, как они сами называют, городскими слабостями. У много соли нет, а не напиться двух раз чаю в день нельзя. Такая привычка! Ну, и

⁷ Там же. С. 182-183. Здесь и дальше подчеркнуто нами. — Т. М.

тащит последнее.»⁸

В четвертой части Островский описывает свое наблюдение за бытом женщин в Торжке, очень любопытное для читателя его пьес. Речь идет о свободном поведении девушек в названном городе:

«Недолго нужно жить в Торжке, чтобы заметить в обычаях и costume его жителей некоторую разницу против обитателей других городов. Девушки пользуются совершенной свободой; вечером на городском бульваре и по улицам гуляют одни или в сопровождении молодых людей, сидят с ними на лавочках у ворот, и не редкость встретить пару, которая сидит обнявшись и ведет сладкие разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется предметом. Этот предмет впоследствии времени делается большею частью мужем девушки. В Торжке еще до сей поры существует обычай умыканья невест. Считается особым молодечеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей. Молодые на другой день являются с повинной к разгневанным будто бы родителям, и тут уж начинается пир горой. Такой способ добывать себе жен не только не считается предосудительным, но, напротив, пользуется почетом. "Значит, уж очень любит, коли увез потихоньку", - говорят в Торжке. Не иметь предмета считается неприличным для девушки; такая девушка легко может засидеться в девках.»⁹

Эссе Островского интересно ещё и тем, что он сравнивает свободу девушек с несвободой замужних женщин.

«Образ жизни замужних совершенно противоположен образу жизни девушек; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидят дома. Ни на бульваре, ни во время вечерних прогулок по улицам вы не встретите ни одной женщины. Когда они выходят из дому по какой-нибудь надобности, то закутываются с головы до ног, а голову покрывают, сверх обыкновенной повязки, большим платком, который завязывают кругом шеи.»¹⁰

Перед нами быт Калиновки, где живет несчастная героиня пьесы «Гроза» Островского. Можно сказать, что драматург получил и тему, и ситуацию для своей новой пьесы из этой экспедиции. И дальше он черпал материалы и идеи для своего творчества из своих волжских наблюдений, в том числе для бытовых («Доходное место», «Горячее сердце», «Бесприданница») и исторических пьес

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 204-205.

¹⁰ Там же. С. 205.

(«Воевода», «Дмитрий -самозванец и Василий Шуйский»). Путешествие по Волге открыло ему новые ландшафты России с их бытовой и исторической глубиной.

2) Потехин и средняя Волга

В отличие от Островского, Потехин родился на Волге (в Костромской губернии) и до этой экспедиции уже писал очерки о поволжской жизни («Путь по Волге» и др.). В 1854 г. он прочел во дворце Великого князя свою запрещенную пьесу «Суд людей — не божий», в связи с чем получил приглашение принять участие в этом проекте. Интересно заметить, что во время экспедиции осторожный Потехин переодевался купцом, чтобы заслужить доверие местных крестьян.

Он исследовал Саратов и лесные районы по реке Керженец (в Нижнем Новгороде) и по реке Ветруга (тоже в Нижнем Новгороде и Костроме), и написал три путевых очерка: «Лов красной рыбы в Саратовской губернии», «Река Керженец», «С Ветруги, из путевых заметок». Хотя первый из них понравился Великому князю и людям его окружения и был опубликован в «Морском сборнике», остальные не были приняты редакцией журнала и были опубликованы в «Современнике» и «Веке» отдельно.¹¹ Потехин — более литератор, чем социолог-статистик и скорее сосредоточен на изложении своих впечатлений и размышлений. Стиль у него более свободен и представляет собой смесь обстоятельного описания предметов со сценами-рассказами отдельных людей. Главный предмет его описания — быт и занятия местных жителей и их нравы. Интересное отличие от других участников экспедиций — его пристрастие к трактату о характере русского человека. Поскольку на средней Волге проживают представители разных национальностей и вероисповеданий, в его описании есть и татары, и черемисы (марийцы), и староверы. Но предметом его постоянного интереса является все-таки русский народ. Ниже мы рассмотрим его очерк о саратовских рыбаках.

«Лов красной рыбы в Саратовской губернии» — целый свиток картин из жизни рыбаков. Здесь есть и описание богатырской Волги в разливе, и веселый шум на рыбацком празднике, и перечень сортов красной рыбы, и объяснение

¹¹ См. *А.А. Потехин*. Лов красной рыбы в Саратовской губернии // Морской сборник. 1857, No.1; *А.А. Потехин*. Река Керженец // Современник. 1859. No.1 // Русские очерки. Том 1. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 443-468; *А.А. Потехин*. С Ветруги, из путевых заметок // Век. 1861. No.2, 4.

структуры рыбацких станов на левом (песчаном) берегу Волги и состава ловецкой артели, перечисление видов снастей и лодок, и изображение бури на Волге, и разговор рыбаков, и описание тяжелого труда водолаза, разных садков и т.д. Местами автор высказывает свое мнение о безвредности употребления запрещенных снастей, мнение против заколов, устроенных рыбопромышленниками в гирлах, и т.д. Например, следующее описание рыбацкого праздника хорошо показывает его стиль передачи местной атмосферы:

«Весело смотреть на это ловецкое гуляние. При полном многолюдном селении лодок тридцать рассыплется по широкому раздолью Волги. На одной весла приподняты кверху и лодка, предоставленная течению, едва покачиваясь, медленно плывет вниз по Волге: там несколько лодок снялись гоняться: низко наклоняются гребцы, напрягая свои широкие груди и мощные члены, дружно взмахивают веслами, и как птицы летят их легкие челны при веселом гиканьи и подзадоривающих криках: здесь двигается целый хоровод лодок: с каждой из них несутся песни, сливающиеся в один стройный хор родных сердцу звуков.»¹²

Одновременно он знакомит читателей с короткими эпизодами из жизни рыбаков. В одном месте автор рассказывает целую историю о 60-летнем ловце, спасшем 8 человек во время страшной волжской бури, и о скупых купцах, им спасенных, которые при больших деньгах не знали, как его прилично отблагодарить.

Потехин везде комментирует специфику русского мышления и русского менталитета.

По поводу бедных рыбацких станов Потехин пишет:

«Но не думайте, чтоб для этого нужны были какие-нибудь особенные сооружения: простой русский человек очень неприхотлив и невзыскателен. Взглянувши на ловецкий стан, никто бы не подумал, что здесь живет человек целую половину года: терпит и солнечный зной, и жар, и сырость, а под конец осени и стужу.»¹³

После эпизода о двух рыбаках, еле спасшихся от большой бури, он пишет:

«На другой день теплое светлое солнышко их высушит и согреет. Никто как Бог: он вымочит, он и высушит! говорит русский человек.

¹² А.А. Потехин. Лов красной рыбы... С. 45.

¹³ Там же. С. 45-46.

В настоящем случае еще можно упрекнуть ловца за то, что он, по свойственной русскому человеку беспечности и неосторожности, добровольно подвергается опасности, или обвинить приказчика за то, что он больше заботится о выгодах своего хозяина, нежели о здоровье и безопасности работника. Но бывают и такие обстоятельства, где не спасет никакая осторожность, предусмотрительность и заботливость.»¹⁴

По поводу подвига старика, спасшего 8 человек, он отмечает:

«Подробности этого обстоятельства очень интересны, представляя с одной стороны удаль и самоотвержение русского человека, а с другой... с другой стороны, к сожалению, совершенно иные черты. Но не даром говорит русская пословица: в семье не без урода!»¹⁵

В связи со скудостью пищи у саратовского рыбака:

«Русский человек и здесь неприхотлив: есть — так и слава Богу, а нет — так он не горюет.»¹⁶

Можно сказать, что подобная стилевая мозаика (описание, перечисление, классификация, предложение, рассказ, анекдот, трактат) тоже является своего рода способом художественного освоения незнакомой земли.

В очерке «Река Керженец», где речь идет о жизни лесорубов-староверов, тоже интересная смесь этнографического описания местности с публицистическим трактатом о духе капитализма.

«Одним словом, в этой торговле взаимное доверие основано на обмане и взаимный обман на доверии: я тебе верю деньги, потому что ты даешь мне возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другого, и я тебе позволю меня обманывать за то, что ты доверяешь мне деньги и тем даешь возможность обмануть другого. Почти к такой формуле можно привести отношения лесопромышленников по Керженцу. Разумеется, при этом, где капиталист обманывает бедняка на рубли, там бедняк обманывает своего беднейшего собрата на копейки. И эта зависимость рабочих рук от капиталистов и произвол последних в определении ценности труда у нас в России встречается не только здесь, но весьма часто.»¹⁷

И здесь Потехин не забывает о русском характере:

«— Сюда надо! — убедительно отвечал ямщик, и с этой минуты я был

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ А.А. Потехин. Река Керженец. С. 455-456.

почти уверен, что действительно сюда надо. Мне припоминалась тогда такая же сцена, но совершенно при другой обстановке, и я подивился, как русский человек, куда его ни поставь, везде одинаков и везде верен своему характеру.¹⁸ —пишет Потехин о своем семичасовом блуждании по лесной чаще.

В «С Ветруги», подробно описывая лесные производства, автор вдруг начинает жаловаться на судьбу русских изобретений:

«Не такова ли судьба и большей части русских изобретений? Напрасно говорят, что русский человек умеет только подражать. Напротив, мы, кажется, богато одарены и способностью изобретения, но мы не довоспитались до умения прилагать наши изобретения к делу: к тому же мы от природы очень ленивы и, вследствие того, склонны к рутине: наконец, мы слишком самоуверенны, высокомерны и, в то же время, стыдливы и боязливы к насмешке от неудачи, как дети. По всему этому народ наш или смотрит на всякое новое изобретение как на игрушку, забаву для препровождения времени...»¹⁹

Эти слова относятся и к татарам, и к черемисам, но в центре его внимания несомненно быт и характер россиян проживающих в этих краях.

В. Слезнев считает очерки Потехина большим прогрессом по сравнению с его же очерками, написанными ранее («Путь по Волге» и др.). Если раньше в его работе преобладал взгляд, пожалуй, доброжелательного туриста, которому искренне хочется понравиться весёлым и беззаботным туземцам, то «в новых очерках автор отказывается от “пейзанского” стиля, описывает тяготы мужицкого труда, свет и тени крестьянского бытия, положительные и отрицательные стороны складывающихся новых экономических отношений.»²⁰

Наверное, Слезнев прав в том, что благодаря критическому взгляду на действительность и трезвому анализу нововведенных систем, письма Потехина ярко передают реалии жизни народов средней Волги. Хотя нельзя не заметить, что его пристрастие к русскости несколько упрощает характеристику быта и жителей приволжского района.²¹

¹⁸ Там же. С. 450.

¹⁹ А.А. Потехин. С Ветруги, из путевых заметок. С.96.

²⁰ В. Слезнев. «Всякой другой рыбы, кроме красной, он гнушается...» <http://magazines.russ.ru/volga/1998/11-12/selez.html>

²¹ Это частично отражается на следующем «имперском» взгляде Потехина на малочисленный народ: «Вообще, из всего видно, что черемисы народ вялый, не энергический, скуп одаренный природою, но добрый, тихий и покорный, одним словом, созданный, чтобы жить и умереть охотником или земледельцем, и непризванный ни к какой иной, более широкой деятельности.» А.А. Потехин. С Ветруги, из путевых заметок. С.98.

3) А. Писемский и Астрахань

Писемский был тоже когда-то приглашен к Великому князю на фрегат «Рюрик», где прочитал свой рассказ «Плотничья артель», после чего был привлечен к работе в этом проекте. Он приехал в Астрахань уже во второй половине февраля 1856 г., и к концу апреля по Каспийскому морю доехал до Баку. Позже он заболел лихорадкой, давала знать о себе депрессия, и свернув свою экспедицию, он вернулся в Москву в сентябре этого же года. Его первые путевые очерки были опубликованы в «Морском сборнике», но остальные, более «этнографические» рапорты изданы отдельно в «Библиотеке для чтения».²²

Сочинения Писемского отличаются экзотичностью и духом *ориентализма*. Это записки любопытного путешественника, который первый раз в жизни увидел азиатскую Россию. Если Потехин обратил внимание на русскость жителей Волги, то Писемский просто был ошеломлен этнической пестротой нижней Волги и, описывая экзотические сцены, иногда переходит на этнографически-культурологические размышления о цивилизации. В его сочинениях мы легко можем узнать взгляд ортодоксального сына империи на этнические меньшинства. Его записки наивны, но благодаря наивности, он хорошо передает не только местные ландшафты, но и душевно-психологическое состояние россиянина, находящегося в азиатской части России.

Хотя потом он исследовал историю каждого народа и оставил этнографические работы о калмыках, армянах и татарах, здесь мы обратим внимание на первые его путевые записки и проследим за его «имперским» взглядом.

Например, встреча с калмыками описана следующим образом:

«С самими калмыками я познакомился на первый раз в Енотаевске, маленьком и грязном городишке, и долго, вероятно, не забуду этого впечатления. Я въезжал в сумерки и вижу, что со всех сторон проходят какие-то мрачные и на

²² А.Ф. Писемский. Прием черноморцев в Астрахани // Морской сборник. Апрель 1857 г. С. 168-178; А.Ф. Писемский. Путевые очерки (Астрахань) // Морской сборник. Февраль 1857 г. С. 235-256; А.Ф. Писемский. Морская поездки: 1. Бирючья коса 2. Поездка в Баку 3. Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова. // Морской сборник. 1857 г. Апрель. С. 231-251; А.Ф. Писемский. Астраханские армяне (Из путевых записок) // Библиотека для чтения. 1858. N 10. Отд. 1. 3-я пагинация. С. 1-16; А.Ф. Писемский. Татары // Библиотека для чтения. 1858. N 11. Отд. 1. 6-я пагинация. С. 1-10; А.Ф. Писемский. Калмыки // Библиотека для чтения. 1860. N 1. 4-я пагинация. С. 1-34.

вид подозрительные фигуры в малахях, овчинных тулупах и штанах и флегматически меня осматривают.

— Что это за народ? — спросил я извозчика.

— Калмык, — отвечал он.

— Экие некрасивые, — заметил я.

— С чего ему красивому быть, — подхватил извозчик. — Зверем в степи живет, всяку падаль трескает; ребятишки, словно нечистая сила, бегают голые да закопченные.

— Что же, тебе не нравятся калмыки?

— Да чему же нравиться? Дикий народ, — отвечал извозчик, — а сердцем так прост, - прибавил он.

— Прост?

— Прост. Приезжай к нему теперь в кибитку хошь барин, хошь наш брат мужик, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчас тебе все поставит. Меня, псы, за незнамо, кобылятиной накормили, с год после того тошнило.

— А буянят иногда по дорогам?

— Нет. Лошадей воровать али другую скотину— так ловки, и промеж себя, да, пожалуй, и наш брат извозчик не зевай, как раз шею намылят, и отобьют коней, да и угонят в степнину, — поди ищи там, как знаешь.»²³

Потом следует имперское размышление об общем впечатлении от нижней Волги:

«Так вот он, — думал я с грустью, — наш благословенный юго-восток, который я в таком приятном свете представлял себе в холодном Петербурге; так вот это наше волжское приволье с его степями, табунами и кочевниками!" Летом, вероятно, все это оживится, но теперь бедно, неприглядно, а главное, пустынно. Много надобно труда, много надобно поселить людей и других людей, чтобы оживить эти пустыни; степняк вряд ли сам по себе способен к улучшению: его надобно сильно понукать и знать, в чем понукать.»²⁴

После длинного размышления об истории Астрахани появляется дальний вид города:

«Город между тем становится все видней и видней. Издали он напоминает собой всевозможные приволжские города, виды которых почти

²³ А.Ф. Писемский. Путевые очерки (Астрахань). // Морской сборник. Февраль 1857 г. С. 237-238.

²⁴ Там же. С. 238.

можно описывать заочно: широкая полоса реки, на ней барки с их мачтами, кидающийся в глаза на первом плане собор, с каменными казенными и купеческими домами, а там сбивчиво мелькают и другие улицы, над которыми высятся колокольни с церквами, каланчи, справа иногда мельницы, а слева сады, и наоборот.»²⁵

Но вид вблизи сразу меняет такое «нормальное» впечатление:

«Азиатский характер дает себя чувствовать сразу: маленькие деревянные домишки, по большей части за забором, а который на улицу, так с закрытыми окнами, закоптелые, неуклюжие, с черепичными крышами, каменные дома с такими же неуклюжими балконами или, скорей, целыми галереями, и непременно на двор. После безлюдного степного пути мне показалось, что я попал в многолюднейший город, и то на ярмарку: народ кишмя кишит на улицах. И что за разнообразие в костюмах: малахай, персидская шапка, армяк, халат, чуха! Точно после столпотворения вавилонского, отовсюду до вас долетают звуки разнообразных языков, и во всех словах как будто бы так и слышится: рицы.»²⁶

Подобная пропасть между фасадами и внутренними видами упоминается и в описании Баку:

«Я обернулся и чуть не вскрикнул: впечатление мое очень походило на впечатление человека, который вдруг неожиданно взглянул на театральную сцену, где давали какой-нибудь восточный балет. Представьте себе дугообразный морской залив, в недалеком от него расстоянии крепость, над которой идут, возвышаясь по берегу, белые, без крыш, вроде саклей, домики и, образуя как бы пирамиду, коронуются ханским дворцом с высоким минаретом. Ко всему этому прибавьте благоуханнейший воздух, которым где-либо дышат смертные, воздух, которым грудь не насытится.»²⁷

«Кто не бывал в азиатских городах, тот представить себе не может, что такое бакинские улицы: задние, грязные закоулки наших гостиных дворов могут дать только слабое о них понятие; мы шли между стенами без окон, по двое в ряд, и уж третий с нами не уставился бы; над собой видели только полосу неба, а под ногами навоз. Задыхаясь от усталости, мы добрались, наконец, до

²⁵ Там же. С. 254.

²⁶ Там же. С. 255.

²⁷ А.Ф. Писемский. Морская поездка: 1. Бирючья коса 2. Поездка вБаку 3. Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова. // Морской сборник. 1857 г. Апрель. С. 238.

обиталища властителей.»²⁸

Его имперские размышления распространяются и на Каспийское море:

«Говорят, еще Петр Великий по своему гениальному историческому провидению думал связать Кавказ с Россией Каспийским морем. Дело, по-видимому, очень простое: достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, какие преимущества представлял этот естественный и самой природой устроенный путь, но истина редко дается человеку прямо в руки: целое столетие мысль эта была забыта, и только в настоящее время является она снова в своей неотразимой силе.»²⁹

Для Писемского южную Россию представляют большие воды (устье Волги и Каспийское море), большие города (Астрахань и Баку) и нерусские жители. Нижняя Волга — это уменьшенная копия многонациональной Российской империи. В основе изложения Писемского несомненно находится несколько бинарных оппозиций: «кочевники и земледельческий народ», «язычники и христиане», «Азия и Европа», и он не сомневается в превосходстве последних. Это не что иное как стереотип, но сами его сочинения никак не скучны благодаря большому диапазону его писательских интересов. Это интересный текст, который много говорит и о самом авторе.

²⁸ Там же. С. 239-240.

²⁹ Там же. С. 239.

